

ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ НАУКИ

ВАГАНОВ АНДРЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ

заместитель главного редактора, ответственный редактор
приложения «НГ-наука»
ЗАО «Редакция “Независимая газета”»
Москва, Россия
andrew@iskratelecom.ru

Казанская Ньютониана

Описывается деятельность находящихся в эвакуации в Казани в годы Великой Отечественной войны советских ученых. В центре внимания — работа по изданию материалов к 300-летию со дня рождения Исаака Ньютона, пришедшемуся на 1943 год, а также трудов великого ученого.

Ключевые слова: биография Ньютона, Казань, эвакуация, С. И. Вавилов, А. Н. Крылов.

«Трудно сказать что-либо существенно новое вдали от родины Ньютона, не имея под руками подлинных документов и архивов о его жизни, после больших сочинений Брюстера, Био, Розенберга и Мора»¹ — отрывок из авторского предисловия к первому изданию книги академика С. И. Вавилова «Исаак Ньютон» (М.—Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1943. 216 с., 3000 экз.). Под этим коротким, едва ли на полторы страницы предисловием автор обозначил и место написания — «г. Йошкар-Ола». Тем не менее, несмотря на такую самокритичность Вавилова, книга эта стала первой научной биографией сэра Исаака Ньютона на русском языке и переиздавалась еще три раза:

С. И. Вавилов. Исаак Ньютон. 2-е изд., пересмотр. и доп. М.—Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1945. 230 с. (1000 экз.);

С. И. Вавилов. Исаак Ньютон (Научная биография и статьи) / Академия наук СССР. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 294 с. (20 000 экз.);

С. И. Вавилов. Исаак Ньютон: 1643—1727. 4-е изд., доп. М. : Наука, 1989. 271 с., ил. (Науч.-биогр. сер.) + В. Л. Гинзбург. Несколько замечаний к биографии Исаака

¹ Из всех перечисленных авторов на русский язык была переведена только работа известного французского физика Жана Батиста Био: *Био Ж. Б.* Биография Ньютона / пер. с фр. В. Асонова. М., 1869. 111 с.

Ньютона; А. П. Юшкевич. Математика в рукописном наследии Исаака Ньютона; С. И. Вавилов. Ньютон и современность (21 300 экз.).

Эта же книга была помещена в третий том Собрания сочинений С. И. Вавилова (М. : Изд-во Академии наук СССР, 1956. 874 с.)

Кроме того, вавиловская биография Ньютона семь раз переиздавалась за границей — была переведена на румынский (1947), венгерский (1948) и немецкий (Вена, 1948 и Берлин, 1951) языки.

Но нас сейчас будут интересовать обстоятельства подготовки именно первого издания этой книги. Выдающийся советский историк математики А. П. Юшкевич напишет об этом издании так: «В своей относительно небольшой книге... С. И. Вавилов с редким искусством сумел соединить *utile dulci*, увлекательность с серьезностью, популярность с научной глубиной. Его биография Ньютона — прекрасный образец научно-художественной прозы» (Юшкевич, 1957: 85). Правда, Адольф Павлович в своей статье анализирует сущностный, содержательный аспект вавиловского труда и ничего не говорит об условиях, в которых он создавался. А они были очень нестандартными, порою даже драматичными.

* * *

«4 января 1943 г. исполняется триста лет со дня рождения Исаака Ньютона, одного из величайших гениев точного естествознания, — с этих слов начинается предисловие к первому изданию вавиловской биографии Ньютона. — Направляя сейчас основные усилия на помощь нашей героической Красной Армии, Академия наук СССР не может пройти мимо знаменательной даты трехсотлетия со дня рождения одного из величайших творцов культуры — Исаака Ньютона. Академией наук создана особая комиссия по ознаменованию юбилея Ньютона. Настоящее жизнеписание составлено по предложению комиссии».

Во втором издании 1945 года, снабженным и новым предисловием, Сергей Иванович Вавилов дополнит сказанное: «Первое издание этой книги было опубликовано в самом начале 1943 г. <...> Книга составлялась в грозные дни сталинградской битвы, решавшей исход войны... с удовлетворением можно отметить, что на нашей Родине, несмотря на напряжение исторических сталинградских дней, решавших ее судьбы, юбилей Ньютона праздновался широко и с большим единодушием. Помимо многочисленных торжественных заседаний в научных институтах, университетах и других учреждениях по всей стране, в юбилейные дни в СССР было издано пять книг, посвященных Ньютону, и среди них большой том статей, всесторонне анализирующих наследие Ньютона».

Об этих книгах речь пойдет ниже. Сейчас же, можно отметить одну деталь: воспроизведенное в этом издании предисловие к первому, 1943 года, изданию, заканчивается уточненным местом и временем написания: «г. Йошкар-Ола. Ноябрь 1942 г.». Самый тяжелый период Великой Отечественной войны, а страна «широко и с большим единодушием» празднует юбилей Ньютона! Издается, фактически, целая библиотечка, посвященная великому англичанину. Чего это стоило в то время — отдельная тема.

* * *

Перед Великой Отечественной войной в СССР насчитывалось 220 издательств и около 5 тысяч полиграфических предприятий. Увы, с началом войны на Восток

удалось эвакуировать лишь часть этих полиграфических предприятий. Полностью были утрачены типографские мощности на Украине, в Белоруссии, в Прибалтике, на Орловщине. Почти на порядок сократилось производство бумаги: 730 тыс. т в 1941 г., 166 тыс. т — в 1942 г. Естественно, что издание газет сократилось на 4300 названий (т. е. почти в два раза), а журналов — на 1500 (в 5,6 раза) (Васильев, 2005: 6).

Впрочем, книгоиздание сократилось также в разы.

В целом по стране выпуск книг упал с 45 830 наименований в 1940 году до 15 899 в 1943 году (Немировский, 2010: 945). Общепринятый в полиграфии параметр — объем произведенной продукции по печатным листам-оттискам — еще более показателен: в 1943 г. он был в четыре раза меньше, чем в 1941 г.

Что касается академического книгоиздательства, то оно по названиям «ужалось» в 1943 году в 2,6 раза по сравнению с 1941 годом (350 и 913 наименований соответственно) (Васильев, 2005: 7).

Но уже в 1946 году по числу наименований книжных изданий Академия наук СССР превзошла уровень первого военного года. А по числу периодических изданий этот уровень был превзойден и того раньше — в 1944 году.

Судьба академического книгоиздания во время войны очень плотно переплетена с Казанью.

Через месяц после начала войны, 22 июля 1941 года, в этот город были эвакуированы первые 11 академических институтов и две лаборатории из Москвы: Институт горючих ископаемых, Энергетический институт, Институт машиноведения, Институт химической физики, Институт органической химии, Институт общей и неорганической химии, Коллоидо-электрохимический институт, Биогеологическая лаборатория академика В. И. Вернадского, Институт теоретической геофизики. В том числе эвакуированы были Институт физических проблем (ИФП) (директор — академик Петр Леонидович Капица) и Физический институт (ФИАН) (директор — академик Сергей Иванович Вавилов).

Расположились эвакуированные институты в помещении Казанского университета. «Небольшой физический корпус был отведен под три института, — вспоминает Л. В. Лёвшин. — Первый этаж был передан Институту физических проблем, второй — Ленинградскому физико-техническому институту; помещение физического практикума на третьем этаже было отдано ФИАНу» (Лёвшин, 2003: 199).

Нагрузка на университет, конечно, была более чем серьезная. И тем не менее в стенах его не прекращался учебный процесс, занимались студенты. Правда, с началом войны график обучения уплотнился чрезвычайно: Казанский университет перешел на трехлетнюю форму обучения, были отменены выходные и отпуска преподавательскому составу, нагрузка на преподавателя составила 42 часа в неделю. Летние каникулы сократили до одного месяца, зимние — до одной недели (Малышев, Сальникова, 2009: 92). Неслучайно 16 апреля 1942 года академик Сергей Иванович Вавилов внес в Президиум АН СССР предложение об организации Комиссии содействия Казанскому государственному университету (Материалы... 1950: 262). И все же, только в 1946 году в университете был восстановлен

8-часовой рабочий день, ежегодные оплачиваемые отпуска, воскресенье опять стало выходным днем.

В Казань же были переведены Президиум Академии наук (30 сентября 1941 г. там прошло его расширенное заседание) и академическое издательство. В 1941—1943 годах в Казани, на базе, в основном, Татполиграфа, Издательство АН СССР выпустило 46 изданий. И отдельная тема — казанская Ньютониана.

«Я вспоминаю зиму 1942/1943 г., когда наша страна начинала оживать после великой победы под Сталинградом, — напишет в 1951 году один из крупнейших отечественных специалистов в области теоретической астрономии и небесной механики профессор Наум Ильич Идельсон; он также находился в эвакуации в Казани, где работал в Институте теоретической геофизики АН СССР и одновременно заведовал кафедрой геофизики Казанского университета. — А как раз тогда надвигался на нас, — если можно так выразиться, — ряд великих юбилеев: 400-летие смерти Коперника, 300-летие смерти Галилея и рождения Ньютона. Пройти мимо этих дат — значило бы признать, что мы все забыли, от всего отошли в годовину войны. Но мы ничего не забыли и ни от чего не отошли². Замечательное книгохранилище Казанского университета сыграло здесь самую существенную роль. Оно помогло нам организовать собрания, писать статьи и составлять сборники, посвященные памяти этих титанов прошлого. И как сейчас помню я слова Сергея Ивановича <Вавилова>: “Юбилеи пройдут — книги останутся”. Очевидно, он подразумевал под этим, что пока мысль не отображена окончательно в печатном выступлении, подлежащем широкой критике, до тех пор ничего еще не сделано вообще» (Идельсон, 1957: 128).

Здесь, пожалуй, уже самое время привести библиографию этой Ньютонианы, о которой говорил академик Сергей Вавилов. Это, так сказать, каноническое пятикнижие, посвященное Ньютону:

1. *Вавилов С. И.* Исаак Ньютон. М.—Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1943. 216 с. (3000 экз.) (Встречаются два варианта переплета: серый и темно-синий);

2. *Крылов А. Н.* Ньютон и его значение в мировой науке (1643—1943). М.—Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1943. 40 с. (3000 экз.);

3. Исаак Ньютон (1643—1727) : сборник статей к трехсотлетию со дня рождения / под ред. акад. С. И. Вавилова. М.—Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1943. 440 с. Авторы статей: А. Н. Крылов, С. И. Вавилов, Н. Н. Лузин, С. Я. Лурье (2 статьи), Н. Г. Чеботарев, Г. Г. Слюсарев, И. А. Хвостиков, Н. И. Идельсон, Л. Н. Сре-тенский, А. Д. Дубяго, М. В. Кирпичев, Т. П. Кравец, Т. И. Райнов, А. М. Деборин, А. Д. Люблинская, Е. Г. Скржинская, П. М. Дульский (3000 экз.);

4. *Кудрявцев П. С.* Исаак Ньютон / под ред. проф. А. К. Тимирязева. М. : Гос. уч.-пед. изд-во Наркомпроса РСФСР, 1943. 144 с. (25 000 экз., уменьшенный формат);

² Забегая немного вперед, отмечу, что ко всем трем юбилеям были подготовлены и выпущены академические сборники, с тех пор ставшие уже классическими. В 1943 году последовательно выходят: Галилео Галилей. 1564—1642 : сборник, посвященный 300-летней годовщине со дня смерти / под ред. акад. А. М. Деборина. М.—Л., 1943. 191 с.; Исаак Ньютон (1643—1727) : сборник статей к трехсотлетию со дня рождения / под ред. акад. С. И. Вавилова. М.—Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1943. 440 с. Затем, уже после войны, — Николай Коперник. 1473—1543 : сборник статей к четырехсотлетию со дня смерти / отв. ред. член-корр. АН СССР А. А. Михайлов. М.—Л., 1947. 219 с.

5. Исаак Ньютон (1643–1943) / Казан. авиац. ин-т. Казань, 1943. 82 с. (350 экз., уменьшенный формат).

Как видим, три из пяти книг выпущены академическим издательством. Последняя работа заслуживает отдельного разговора. Во втором издании книги «Исаак Ньютон» (1945), в кратком аннотированном библиографическом указателе, С. И. Вавилов напишет про этот сборник статей: «Небольшая книга с юбилейными докладами...». Но это как раз тот случай, когда мал золотник, да дорог.

«Волнуясь, перелистываем мы сейчас книги времен <Великой Отечественной> войны. Они напечатаны на газетной бумаге, заключены в неокрашенные обложки, а часто вообще не имеют их. Строгое оформление ограничено средствами набора — заголовками, выделениями, иногда — наборным орнаментом. Немудреные черно-белые рисунки на обложках воспроизводятся цинкографией, — отмечает один из самых авторитетных современных отечественных историков печатного дела и книговедов, профессор Евгений Немировский. — Основным элементом оформления книг военной поры становится обложка. Иллюстрации в первые военные годы редки» (Немировский, 2010: 942).

Но вот этот аккуратный-pocketбук, как сказали бы сейчас, изданный крошечным тиражом в 350 экземпляров в Казани, в типографии Татполиграффа при НКМП ТАССР (ул. Миславского, 9), — самый настоящий маленький (5 печатных листов) шедевр полиграфического искусства.

Несмотря на неизбежный при карманном формате мелкий кегль, издатели (ответственный редактор С. В. Румянцев, технический редактор А. Т. Тухватуллин) сделали все возможное, чтобы чтение книги было комфортным: достаточно большие поля, много «воздуха», ясный антиквенный шрифт (хотя местами и «побитый») и на удивление очень неплохого качества бумага. (Это чувствуется даже сегодня, спустя почти 70 лет после появления книги, когда берешь ее в руки).

Да, обложка и все типографские украшения книги — черно-белые. Но редакторы и тут нашли оригинальное решение сделать более привлекательный дизайн. Надпись на обратной стороне шмуц-титла сообщает: «Внешность издания, обложка и графические украшения на титуле и страницах 48 и 58 заимствованы из книги: “Sir Isaac Newton, by V. E. Pullin, London, 1927”. Графика на страницах 7, 34, 35, 47, 58 и 82 принадлежат современнику И. Ньютона граверу Е. I. Daudet». Это изысканный орнамент из миниатюрных арабесок.

Кроме того, книга содержит четыре вклеенных на отдельных листах миниатюрных портрета: три — И. Ньютона (работы Д. Торнхилла, Г. Кнеллера и Вандербанка) и портрет О. Кромвеля работы Питера Лели.

Не менее интересно не только книжное убранство этого издания, но и собственно содержание статей в нем.

Надпись на шмуц-титле вполне однозначно дает нам временную привязку: «Доклады, прочитанные на торжественном заседании, посвященном трехсотлетию со дня рождения великого английского ученого ИСААКА НЬЮТОНА в Казанском Авиационном Институте 9 апреля 1943 г.» (сохранена графика оригинала. — А. В.). Среди авторов: профессор М. М. Кусаков — «Жизнь и деятельность Исаака Ньютона»; П. М. Дульский — «Иконография Исаака Ньютона»; Б. М. Столбов — «Оптические работы Исаака Ньютона»; Л. Ф. Ракушева — «Философские взгляды Исаака Ньютона».

Однако только доклад Л. Ф. Ракушевой не имеет какой-то дополнительной датировки, поэтому мы можем предположить, что он впервые был сделан именно 9 апреля 1943 г. Временные рамки доклада М. М. Кусакова чуть-чуть более размыты: текст датирован самим автором «апрель 1943 г.». Статья Б. М. Столбова имеет авторскую датировку — «март 1943 г.». Статья П. М. Дульского, как следует из подстраничной сноски, — это «Доклад, прочитанный 25 февраля 1943 г. в научной сессии Академии Наук Союза ССР, посвященной 300-летию со дня рождения И. Ньютона» (с. 35). А в конце статьи и вовсе третья датировка: «май 1943 год».

Так что работы, помещенные в сборник, судя по всему, прошли тщательный и довольно длительный отбор. Интересную дополнительную информацию в этом отношении дает статья заслуженного деятеля искусств Татарской автономной ССР Петра Максимилиановича Дульского «Иконография Исаака Ньютона».

«В июне 1942 г. я получил от юбилейной комиссии Академии Наук Союза ССР по проведению празднования 300-летия со дня рождения Исаака Ньютона предложение выступить на сессии с специальным докладом, — пишет Дульский. — Темой моего доклада я избрал обзор портретов Исаака Ньютона, но как только я приступил к работе — обнаружилось, что в казанских библиотеках и художественных хранилищах материалов по данному вопросу не имеется. Мы предполагаем, что и в наших столичных библиотеках материалов тоже не найдется, так как он сосредоточен, главным образом, в Лондоне, в Кембридже и других крупнейших государственных и частных хранилищах Англии»...

Тут, заметим, П. М. Дульскому, возможно, просто чуть-чуть не повезло в его разысканиях в казанских библиотеках. Именно — не повезло. Ведь Дульский был самым авторитетным знатоком не только творчества татарских живописцев и архитектуры Казани. В достаточно обширной библиографии³ Петра Максимилиановича есть исследования, специально посвященные книговедению в Татарии: *Дульский П.* Современная иллюстрация в детской книге // Труды и протоколы Педагогического Общества при Казанском Университете. Т. 3. С. 156—158; *Дульский П. М.* Книга и ее художественная внешность (в связи с казанским книгопечатанием). Казань : Библиогр. кружок «Друзей книги», 1921. 58 с.; *Дульский П. М.*, Оформление татарской книги за революционный период / Тат. науч.-исслед. экон. Ин-т ; Кабинет искусств. Казань 1930. 24 с. Но не повезло...

Повезло мне. Я при подготовке этой статьи наткнулся на интересный экземпляр одной библиографической редкости — первой биографии Ньютона на русском языке, изданной отдельной книгой: *Био Ж. Б.* Биография Ньютона (с портретом) / пер. с фр. В. Асонова (посвящ. К. И. Карлгофу). М. : тип. Т. Рисе, у Мясницких ворот, д. Воейкова, 1869. 111 с. (тираж не указан). Причем этот экземпляр находился именно в Казани.

На титульном листе — Ex Libris: «Из библиотеки профессора Д. И. Дубяго» (Дмитрий Иванович Дубяго (1849—1919) — профессор астрономии в Казанском университете и директор обсерватории с 1905 года; до назначения на эту долж-

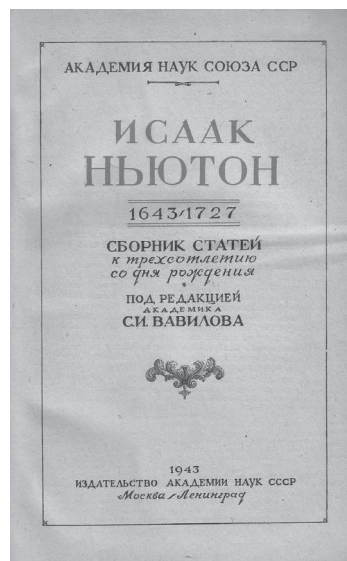
³ В списке печатных трудов М. П. Дульского — 84 номера. Этот каталог работ П. М. Дульского, изданный в количестве 150 экземпляров, можно найти в Российской государственной библиотеке: Список печатных трудов П. Дульского (на правах рукописи). Казань, 1946 г. Статьи «Иконография Исаака Ньютона» и «Портреты Исаака Ньютона» в нем идут, соответственно, под номерами 73 и 74.

ность был ректором Казанского университета). Здесь же, на титуле, — овалный штамп: «Энгельгардтовская обсерватория Императорского Казанского университета». На фронтисписе — хорошего качества гравюра, предположительно, выполненная с известного портрета Исаака Ньютона работы Вандербанка. Этот же портрет, напомним, имеется и в сборнике Казанского авиационного института. Так что по крайней мере одна книга с изображением Ньютона имела в казанских книжных собраниях.

Как бы там ни было, другой на месте Дульского, возможно, счел бы «миссию невыполнимой» да и неуместной, все-таки на дворе — июнь 1942 года. Но советское академическое сообщество проявило действительно «большое единодушие» в своем стремлении достойно отметить юбилей выдающегося ученого. Надо думать, что не последнюю роль в этом сыграл тот факт, что председатель юбилейной комиссии АН СССР, академик С. И. Вавилов, был давним и страстным поклонником и знатоком творчества Ньютона. В 1935 году он проводил специальные разыскания в итальянских и французских архивах и библиотеках в связи с поручением редактировать русское издание сочинений сэра Исаака (Лёвшин, 2003: 174). Еще раньше, в 1927 году, в его переводе увидел свет один из главных трудов Ньютона — «Оптика или трактат об отражениях, преломлениях, изгибаниях и цветах света»⁴.

Ничего удивительного, что Дульский отмечает: «Желая оказать содействие в моей работе, академия Наук Союза ССР обратилась в Вокс <Всесоюзное общество культурной связи с заграницей> с просьбой снести с Королевским Обществом в Лондоне и просить его выслать фото с лучших портретов Исаака Ньютона. В ответ на наше предложение был прислан ряд книг, но почему-то иллюстративный материал не был доставлен. Таким образом, нам пришлось использовать только тот материал, который у нас оказался под руками, и в этом нам значительно помог академик Сергей Иванович Вавилов, которому мы приносим глубокую благодарность».

Интересно, что статья П. М. Дульского была также включена в фундаментальный, — 27,5 печатных листов, — том энциклопедического формата: Исаак Ньютон (1643—1727) : сборник статей к трехсотлетию со дня рождения / под ред. акад. С. И. Вавилова. М.—Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1943. 440 с. Правда, название статьи было при этом изменено на «Портреты Исаака Ньютона» (с. 422—427). «Сборник дает почти всестороннее освещение научной деятельности Ньютона», — подчеркивал С. И. Вавилов (Вавилов, 1945: 225). (Сам Вавилов на основе доклада, сделанного им 25 февраля 1943 года на торжественном заседании памяти Ньютона в Казанском университете, подготовил для этого сборника статью «Эфир, свет и

⁴ *Сэр Исаак Ньютон. Оптика, или Трактат об отражениях, преломлениях, изгибаниях и цветах света* / пер. с 3-го англ. изд. 1721 г. и примеч. С. И. Вавилова. М.—Л. : Госиздат, 1927. 373 с. («Классики естествознания», кн. 17-я). (3000 экз.)

вещество в физике Ньютона» (с. 33–52).) Этот коллективный труд был отмечен и на родине Ньютона — в Англии. «Выдающийся вклад в литературу о Ньюtone», — писал об этом издании журнал “Nature” в 1945 году (Nature, 1945). Но в этом, академическом, варианте статьи Дульского уже отсутствует рассказ о предыстории ее создания. К тому же, в отличие от покетбука Казанского авиационного института, в статье из академического сборника дано только одно портретное изображение Исаака Ньютона. Правда, оно не повторяет портреты, приведенные в покетбуке: гравюра Ридинга с портрета Питера Лели. Оба эти сборника — и академический, и сборник Казанского авиационного института — были подписаны в печать почти одновременно — соответственно 10 и 7 сентября 1943 года.

Но это еще не все хитросплетения казанской Ньютонианы.

Вспомним Ex Libris на экземпляре книги Ж. Б. Био «Биография Ньютона» (М., 1869): «Из библиотеки профессора Д. И. Дубяго». А вот в юбилейный академический сборник статей «Исаак Ньютон (1643–1727)» включена статья сына профессора Д. И. Дубяго, тоже профессора — А. Д. Дубяго: «Кометы и их значение в общей системе ньютоновских “Начал”» (с. 235–263). Андрей Дмитриевич Дубяго (1903–1959) — известный советский астроном, основатель Казанской кометной школы, уроженец Казани.

Тут уж волей-неволей убеждаешься, что даже слепому случаю порою бывает присуще эстетическое чувство.

* * *

Читатель, наверное, уже обратил внимание, что в нашем рассказе о казанской Ньютониане очень часто возникает фигура академика С. И. Вавилова. Но в этом нет ничего удивительного. Сергей Иванович был настоящим библиофилом, и именно по его настоянию в Казань была полностью перевезена богатейшая научная библиотека ФИАНа. В ее собрании имелись уникальные издания XVII–XIX веков, книги из личных библиотек с автографами известных ученых, прижизненные издания классиков физической науки и смежных наук, ценный рукописный фонд. Тогда это было крупнейшее в стране собрание литературы по физике⁵. «Библиотека Физического института была единственной академической библиотекой, почти полностью эвакуированной и открытой для пользования всем академическим учреждениям. Она принесла трудно оценимую пользу Академии в Казани», — напишет Вавилов в 1945 году (Вавилов, 1945b).

Так, например, в конце августа — первых числах сентября 1941 года Московская часть Президиума АН СССР принимает решение эвакуировать из Ленинграда пять учреждений: Астрономический институт, Пулковскую обсерваторию, Архив, Типографию АН СССР (включая шрифты) и Библиотеку Академии наук (БАН). По подсчетам директора БАН Яковкина, «все намечаемые к вывозу коллекции... требуют до 10 вагонов» (Баженова, Леонов, 2009: 1117). Только так называемый бронированный фонд изданий Академии наук — 13 000 библиографических единиц — занял 500 ящиков. Однако эвакуировать БАН так и не успели — город попал в полную блокаду. Так что научная библиотека ФИАНа, вывезенная в Казань, оказалась,

⁵ Фонд библиотеки ФИАН в январе 2009 года включал 46 2508 единиц хранения, из них 210 813 — на иностранных языках. Данные предоставлены ученым секретарем ФИАН Н. Г. Полухиной.

действительно, незаменимой для ученых. (Не будем, однако, забывать о богатом книжном собрании самого Казанского университета.)

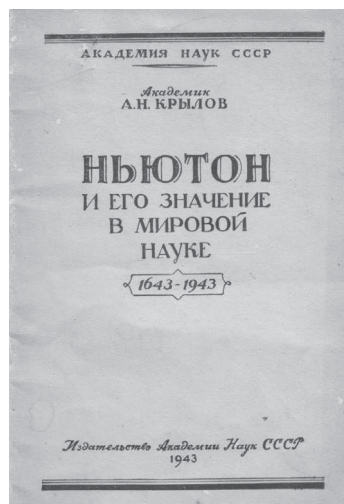
Впрочем, пользовались академической библиотекой не только сотрудники институтов. Будущий профессор Сергей Петрович Капица вспоминает, как он, тогда еще подросток четырнадцати лет, находясь в эвакуации вместе с отцом в Казани, увлекся астрономией. И эта его страсть подпитывалась из мощного академического источника: «В читальном зале Физического института Академии наук была масса журналов, которые мне были вполне доступны» (Капица, 2008: 56).

Между прочим, в связи с нашей темой, будет любопытно еще одно свидетельство, касающееся казанского периода жизни Сережи Капицы. «Он удивительно серьезен и работоспособен, — сообщает в письме от 26 февраля 1943 года Ольга Алексеевна Стецкая, заместитель директора ИФП, Анне Алексеевне Капице, матери Сергея. — Он, например, самый аккуратный посетитель ньютоновской сессии. Так странно среди такой почтенной аудитории видеть серьезное детское личико, которое с неослабным вниманием слушает все доклады. Хотя некоторые доклады ему нравятся больше, другие меньше. Это не бойкость молодого человека, который чувствует, что ему, сыну крупного ученого, доступно все. Нет, это настоящий интерес. Поэтому он сидит скромненько, в последних рядах, немного нахмуренный, с опущенной от смущения головой» (Капица, 2008: 53–54).

И похоже, интерес к ньютоновской теме — это наследственное у Сережи Капицы. Ведь его дед, академик Алексей Николаевич Крылов, был автором первого перевода на русский язык ньютоновских «Математических начал натуральной философии» (1916)⁶.

Заметим, кстати, что 4 января 1943 года Академия наук отметила 300-летие со дня рождения Исаака Ньютона торжественным заседанием и в Московском доме ученых. Планировалось выступление с докладом и академика А. Н. Крылова — о значении Ньютона в мировой науке. Но из-за болезни автора доклад читал другой академик — А. Ф. Иоффе (Материалы... 1950: 271). На том же заседании член-корреспондент АН СССР Торичан Павлович Кравец доложил о работе по изучению наследства Ньютона в России.

А 16 января состоялось общее собрание академиков в доме отдыха «Боровое», тоже посвященное ньютоновскому юбилею. На том заседании выступил с очень глубоким и в то же время доступным для понимания неспециалистами докладом «Оптические работы Ньютона» академик Леонид Исаакович Мандельштам (Мандельштам,

⁶ *Ньютон Ис.* Математические начала натуральной философии / пер. с лат. с примеч. и поясн. А. Н. Крылова, флота генерал-лейтенанта, заслуженного профессора Николаевской морской академии, члена-корреспондента Императорской Академии наук // Известия Николаевской морской академии. Вып. IV, V. Петроград, 1915–1916. 276 с. + 277. (Тираж не указан.)

1979а). Таким образом, в некотором роде, он отбирал «хлеб» у С. И. Вавилова, считавшегося главным специалистом по оптическим сочинениям Ньютона.

Среди пяти книг, изданных в 1943 году в СССР к юбилею Исаака Ньютона, как мы помним, была брошюра академика А. Н. Крылова — «Ньютон и его значение в мировой науке (1643–1943)». Про нее тоже необходимо сказать несколько слов.

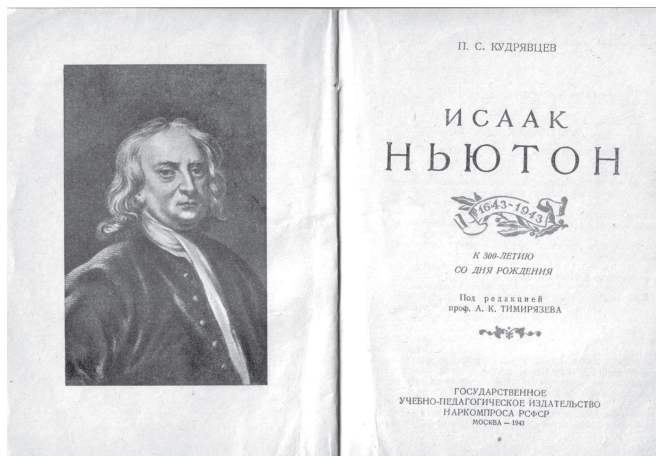
Сорокастраничное издание было подписано к печати 23 декабря 1942 года. Три тысячи экземпляров печатались в Казани, в типографии Татполиграфа при НКМП. Несмотря на свой скромный объем (2,5 п.л.), — это, по существу, синопсис двух важнейших работ Ньютона: «Математических начала натуральной философии» и «Оптики». А кроме того, академик Крылов умудряется дать краткий (кратчайший!) обзор развития работ по классической механике после Ньютона. Самая настоящая шпаргалка по истории науки, написанная академиком!

Но, мало того, в этой брошюре А. Н. Крылов вводит в оборот для русскоязычного читателя и некоторые биографические подробности из жизни сэра Исаака. Потом они, эти подробности, будут благополучно кочевать по многим советским биографиям Ньютона. Вот, например, такая: «С 1686 по 1696 г. Ньютон по преимуществу занимался оптикой, а став начальником монетного двора, он говорил, что все его время есть “the king’s time” и занимался наукой лишь урывками, главным образом теорией Луны. В 1712 г. он потребовал от королевского астронома Фломстида его наблюдения Луны, а когда Фломстид отказался их выдать, Ньютон на заседании Королевского общества пришел в ярость и стал ругать Фломстида такими словами, которым позавидовали бы и лондонские докеры, виртуозы в этом деле. Единственные доступные для печати были: “Silly puppy” (глупый щенок), хотя Фломстиду было в это время 69 лет, а Ньютону — 70. Видимо, будучи начальником монетного двора, он для “поднятия производительности” прибежал к энергичному языку своих мастеров и подмастерьев» (с. 4).

Остается только добавить, что этот текст академика А. Н. Крылова был впоследствии воспроизведен полностью в цитировавшемся уже нами академическом томе — «Исаак Ньютон (1643–1727) : сборник статей к трехсотлетию со дня рождения». Статья Крылова и открывала этот сборник (с. 5–32).

Но, вообще-то, это не единственная книга Крылова казанского периода, посвященная великому англичанину. «В то время он заканчивал работу над своими воспоминаниями и читал нам вслух только что написанное, — вспоминает С. П. Капица. — Часто не было электричества, только маленькие коптилки, при тусклом свете которых он, похожий на библейского старца, читал глуховатым голосом замечательную историю своей жизни, а мы сидели у его ног. Это было необычайно... Всю книгу он написал за три месяца. Рукопись до сих пор хранится у моего брата, написанная поразительно четким почерком. Прямо с этой рукописи, минуя машинописную копию, книга и набиралась тогда, в сорок третьем году в типографии Академии наук. “Мои воспоминания” — классический образец русской мемуарной литературы. Они написаны очень ясно, образно и живо» (Капица, 2008: 54–55). Первое издание мемуаров вышло в 1945 году. Нашлось в них место и эпизоду, относящемуся к работе над переводом с латыни на русский «Математических начал натуральной философии» в 1914–1916 гг. (Крылов: 1956).

Выступая 26 сентября 1943 года на Общем собрании Академии наук СССР, академик Манделъштам дал образную характеристику А. Н. Крылову как историку науки. Цитата будет обширной, но, по-моему, она того заслуживает. «В заключение я

хотел бы совсем кратко коснуться астрономических работ Алексея Николаевича. Я позволю себе это сделать потому, что в них есть и физическая сторона, а также и потому, что они связаны с историей науки.

К ним я причисляю и изумительный перевод “Математических начал натуральной философии” Ньютона, который потребовал у Алексея Николаевича двух лет упорного труда по 6 часов в день. И не удивительно. Это не простой перевод. Вряд ли можно назвать ученого в мировой литературе, который так глубоко изучил Ньютона, так проникся его творчеством, как Алексей Николаевич. Своими обширными комментариями к “Началам”, представляющими как бы самостоятельный труд, Алексей Николаевич помогает и нам глубже проникнуть в гениальное творение Ньютона.

В истории астрономии, в истории физики Алексей Николаевич является основоположником нового направления, и не потому, что он с исключительной глубиной изучил и усвоил великие творения Ньютона, Эйлера, Лапласа, Гаусса, и не потому, что он обнаружил в ряде случаев ошибочность укоренившегося в науке понимания некоторых их высказываний, а благодаря какому-то особенному сплетению в его трудах исторического элемента с оригинальным творчеством.

Тот, кто <...> знаком с исключительно интересной реставрацией работы Ньютона об астрономической рефракции, в которой Алексей Николаевич восстановил, пользуясь только теми математическими средствами, которые были доступны Ньютону, ход его мыслей, кто учтет, наконец, перевод “Начал”, тот, я думаю, согласится с тем, что Алексей Николаевич должен считаться новатором в истории науки” (Мандельштам, 1979b: 301).

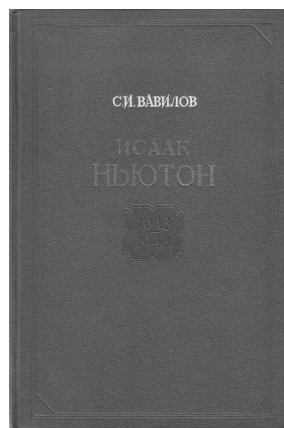
Существуют и еще одна, малоизвестная, работа академика А. Н. Крылова, подготовленная им в Казани в 1943 году, в которой он обращается к творчеству Ньютона, — сборник избранных лекций, читанных А. Н. Крыловым за 50 лет преподавания в Военно-морской академии: Мысли и материалы о преподавании механики. М.—Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1943. 75 с. (5000 экз.). В этой небольшой книжке — две главы, посвященные разбору математических работ Ньютона: Глава IV «О началах динамики» (с. 38–49); Глава V «О силах инерции и начале Даламбера» (с. 49–61). Причем последняя глава — это доклад, прочитанный

академиком Крыловым в Математическом институте Академии наук СССР 26 декабря 1936 года (к 250-летию появления «Начал» Ньютона). «Главная задача этих “Мыслей”, — пишет Н. И. Идельсон, — в том, чтобы убедить современного преподавателя механики, что не существует более простого и в то же время более глубокого подхода к изложению основ теоретической механики, как насыщение этого изложения подлинными определениями, аксиомами, следствиями, законами, как они даны были Ньютоном, — не изменив в них, как сказано А. Н. Крыловым в другом месте, “ни единого слова, ни единой буквы”» (Идельсон, 1957: 129).

* * *

В 1942–1943 годах Казань стала неформальным интеллектуальным центром ньютоновских торжеств. Такой концентрации исследований, посвященных жизни и творчеству Исаака Ньютона не было в тот момент, пожалуй, нигде в мире. «Невиданная война заставила ограничить ньютоновские торжества в Англии, США и других странах, как можно судить теперь по дошедшим до нас иностранным журналам, — писал академик С. И. Вавилов. — Не появилось ни одной книги, посвященной Ньютону, юбилей был отмечен лишь немногими собраниями и небольшими журнальными и газетными статьями» (Вавилов, 1945а: 5). В Советском же Союзе, даже из блокадного Ленинграда, через линию фронта, транспортировались ценные издания для выставки, посвященной 300-летию со дня рождения Исаака Ньютона: осенью 1942 года в Москву эти книги сопровождали ученый секретарь БАН СССР К. И. Шафрановский и сотрудник библиотеки Э. П. Файдель (Баженова, Леонов, 2009: 1119).

Интересно, что 1 июля 1944 года на имя С. И. Вавилова поступила телеграмма Дальневосточного Управления Морского флота с просьбой выслать все свои печатные работы о Ньютоне. «Просим возможности незамедлительно прислать указанием возврата либо без такового виде книг статей оттисков всех ваших оригинальных переводных редакционных работ Ньютоне особенно переписка Ньютона его биография оптику оптические лекции мемуар... Письмом сообщите подготовке выходе остальных сочинений переписки Ньютона предварительно послали двести <рублей> расходы пересылке сердечные пожелания здоровья Строчков», — телеграфировал в Москву, в ФИАН, руководитель Дальневосточного Управления Морского флота (Архив академика С. И. Вавилова, дело № 11). С чем была связана такая спешность? Какие мероприятия на Дальнем Востоке задумывались в связи с именем великого англичанина? — Бог весть. Однако, цитата из сборника, изданного Казанским авиационным институтом, судя по всему, действительно отражала реальное состояние общественного сознания в ту пору: «Советский народ всегда высоко чтит передовых представителей мировой культуры, лучшим из которых является Ньютон... работы Ньютона с особым вниманием изучаются в России. Все наиболее крупные сочинения Ньютона переведены на русский язык и таким образом стали доступными самым широким читательским кругам. Можно с уверенностью сказать, что ни в одной стране, не исключая даже, быть может, и родины Ньютона, не сле-

лено столько для популяризации работ Ньютона, сколько сделано у нас в СССР» (Исаак Ньютон (1643–1943) / Казанский авиационный ин-т. Казань, 1943).

Внимательный читатель, впрочем, может заметить, что сам С. И. Вавилов в предисловии к творческой биографии «Исаак Ньютон» ставит местом написания другой город — Йошкар-Олу. Дело в том, что в Йошкар-Олу был эвакуирован из Ленинграда еще один институт, которым также руководил Вавилов, — Государственный оптический институт (ГОИ). Фактически, Вавилов жил в это время «на два дома»: по воспоминаниям сотрудников ФИАНа, один-два раза в неделю он обязательно бывал в Казани. «Его ничто не могло остановить: ни переполненные вагоны, в которых нередко всю ночь приходилось стоять, ни томительные ожидания поезда, редко ходившего по расписанию и часами простаивающего на станциях или даже между ними, “набирая пары”» (Лёвшин, 2003: 204). 140 километров от Йошкар-Олы до Казани поезд проходил за 12 часов. Вавилов часто не мог из-за проблем с сердцем выдержать духоты в вагоне, и весь путь проводил в тамбуре, где воздух был более свежим.

«Работа над биографией Ньютона, проходившая в “свободное время”, была, насколько я понимаю, работой для души, — вспоминал академик, будущий нобелевский лауреат по физике, Виталий Гинзбург (в 1943 году он, сотрудник ФИАНа, также находился в эвакуации в Казани), — чувства и мысли С. И. Вавилова нашли, несомненно, отражение в самой книге, но особенно ясно они, по-видимому, выражены в предисловиях к первому и второму изданиям» (Гинзбург, 1989: 5–6).

Как бы там ни было, очевидно, что вся предпечатная подготовка рукописей делалась именно в Казани, куда, как мы помним, было эвакуировано и издательство АН СССР. «Так благодаря С. И. Вавилову мы наполняли нашу жизнь в Казани глубоким смыслом и разнообразным содержанием. Именно в силу этого годы казанской эвакуации, несмотря на очевидные тяготы, запечатлелись во мне как одни из самых полноценных в моей жизни», — признавался Наум Идельсон (Идельсон, 1957: 129).

Но уже 19 марта 1943 года «в связи с разгромом немецко-фашистских войск под Сталинградом и коренным переломом на фронтах Отечественной войны, Президиум АН постановил реэвакуировать институты и учреждения Академии наук в Москву» (Материалы... 1950: 272). А к 11 ноября реэвакуация институтов и учреждений АН СССР в Москву завершилась. (Всего, во второй половине 1943 года обратно в Москву реэвакуировано 61 учреждение, в том числе 40 институтов и отдельных лабораторий.)

Одним из первых, в ноябре, был переведен Физический институт; в мае 1945 года возвратился в Ленинград из Йошкар-Олы и Государственный оптический институт. И все же феномен казанской ньютоновщины 1942–1943 гг. до сих пор остается удивительным примером, если можно так сказать, интеллектуального сопротивления энтропии войны.

Литература

Архив академика С. И. Вавилова. Дело № 11. Телеграммы Дальневосточного Управления Морского флота с просьбой выслать все свои печатные работы о И. Ньютоне // http://www.ras.ru/sivavilovarchive/2_actview.aspx?id=692

Баженова Н. М., Леонов В. П. Организация науки в блокадном Ленинграде // Вестник Российской академии наук. 2009. Т. 79. № 12. С. 1113–1121.

Вавилов С. И. Исаак Ньютон. 2-е изд., пересмотр. и доп., М.—Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1945а. 230 с.

Вавилов С. И. Физический кабинет. Физическая лаборатория. Физический институт Академии наук СССР за 220 лет. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1945б. С. 66–67.

Васильев В. И. Войне вопреки... Академическая книга в истории Великой Отечественной войны. 1941–1945. М. : Наука, 2005. 144 с.

Гинзбург В. Л. Об этой книге // Вавилов С. И. Исаак Ньютон: 1643–1727. — 4-е изд., доп. М. : Наука, 1989. 271 с., ил. (Науч.-биограф. сер.)

Идельсон Н. И. Памяти С. И. Вавилова // Труды Института истории естествознания и техники. Т. 17 : История физико-математических наук. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1957. С. 127–136.

Капица С. П. Мои воспоминания. М. : РОССПЭН, 2008. 271 с.

Крылов А. Н. Воспоминания и очерки. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1956. 884 с.

Лёвшин Л. В. Сергей Иванович Вавилов, 1891–1951 / отв. ред. Н. А. Борисевич. — 2-е изд., испр. и доп. М. : Наука, 2003. 421 с.

Мальшев С. Ю., Сальникова А. А. Стиль жизни университетского человека в Казани: XX век // Социальная история. Ежегодник 2008. СПб. : Алетейя, 2009. С. 89–110.

Мандельштам Л. И. Оптические работы Ньютона // Мандельштам Л. И. К 100-летию со дня рождения : сб. ст. / редкол. : акад. А. М. Прохоров [и др.]. М. : Изд-во Наука, 1979а. С. 255–282.

Мандельштам Л. И. О научных работах А. Н. Крылова // Мандельштам Л. И. К 100-летию со дня рождения : сб. ст. / редкол. : акад. А. М. Прохоров [и др.]. М.: Изд-во Наука, 1979б. С. 283–301.

Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы (1917–1947) / под ред. акад. С. И. Вавилова. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1950. 616 с. (На правах рукописи. Экз. № 16).

Немировский Е. Л. Большая книга о книге : справ.-энцикл. изд. М. : Время, 2010. 1088 с.

Юшкевич А. П. С. И. Вавилов как исследователь творчества И. Ньютона // Труды Института истории естествознания и техники. Т. 17 : История физико-математических наук. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1957. С. 66–89.

Nature. Vol. 155. 1945. № 3943. P. 618–619.

Newtoniana of the City of Kazan

ANDREY G. VAGANOV

Deputy Chief Editor, NG-Science Supplement, Managing Editor,
Nezavisimaya Gazeta Newspaper, Moscow, Russia
andrew@iskratelecom.ru